

ВЛАДИМИР ОРЛОВ: «ПИР-ЦЕНТР ПОЛУЧАЕТ ПЛОЩАДКУ В МГИМО»

Фото: архив ПИР-центра
и В. Орлова

Недавно в среде академической дипломатии и международных исследований появился слух: в МГИМО приходит авторитетный ПИР-Центр, который специализируется на экспертизе по теме ядерного нераспространения и международной безопасности.

«Вот уже 28 лет ПИР-Центр является самостоятельной организацией, таковой он и останется, — пояснил директор центра Владимир Орлов, — однако у нас в МГИМО действительно появляется одна из площадок. Так что это правда: наше сотрудничество переходит в фазу более плотной кооперации».

М.: Тем более что МГИМО — ваша альма-матер, не так ли? Горжусь этим. Выпустился из МГИМО в 1990 году, а в 1994-м основал ПИР-Центр. МГИМО с самых первых дней ПИР-Центра стал нашим надежным партнером, на наших учредительных документах стояла в том числе и подпись Анастасии Васильевны Торкуновой. Общим у нас, наверное, является бутничность. И в МГИМО всегда шла очень точечная учебная записка, и ПИР-Центр является экспертным бутничком: он и работает по всему международному спектру, не является «вседанным». Мы занимаемся тем направлением, в котором мы лучшие, — это прикладные исследования в области между-

народной безопасности, а также стык науки и образования в этой области. Вспоминаю, как в середине 90-х сидели в МГИМО, было тесновато, зато поддерживалась связь науки и студенчества, студент всегда мог прийти — что-то обсудить, полистать научную периодику. Вот и теперь мы возвращаемся в род-

Самого основания ПИР-Центра МГИМО стал нашим хорошим, надежным партнером

ные для многих из пиорцев в мгомовские стены недлгитого, чтобы штаны прожогинать. Могли напргать мы можем удаленно. Мы не кафедра, а экспертный институт, и о весьма открыты для студентов, чтобы вместе с думающей й мюдежью обсуждать, брейнформить важные вопросы.

Однако главное, сев на площадку МГИМО, мы таким образом присоединимся к программе «Приоритет 2030», которая реализуется в МГИМО, станем частью хэба академической дипломатии и полетологии, войдем в консорциум, который создается в рамках этой программы.

М.: ПИР-Центр почти 30 лет — партнер МГИМО. Какой совместный проект из наиболее важных хотели бы отметить?

У нас был целый ряд ярких совместных проектов, но, наверное, основной, который продолжается успешно уже седьмой год, — учебный: магистратура двойного диплома по глобальной безопасности и ядерной политике и нераспространению оружия массового поражения.

М.: Я помню, как вы восемь лет назад подписывали в Монре троественное соглашение по этой программе между МГИМО, ПИР-Центром и Монрейским институтом международных исследований. Что-то изменилось в этом сотрудничестве после начала СВО на Украине? Это невероятно, но все осталось по-прежнему. Кругом все рушится или замораживается, а то соглашение, которое мы подписали в Монре в 2014 году, тоже, кстати, непустом

Встреча с гендиректором МАГАТЭ Р. Гросси в Вене

для России, представьте, до сих пор действует и плодотворит! Единственное, наш партнер поменял свое название — теперь это Миддлберийский институт международных исследований в Монтерее, по-прежнему у спящий игрок мирового уровня по изучению проблематики нераспространения ядерного оружия.

Итак, объединились два вуза мирового класса вместе с ПИР-Центром для реализации программы, по своим академическим качествам лучшей во всем мире. Они предоставляют свою экспертизу и преподавателей, свои знания и материалы для того, чтобы эта уникальная программа получила еще более качественное развитие. За эти годы мы очень хорошо пригласили друг друга, что особенно важно для учебных заведений в случае, когда выпускникам выдают сразу два диплома. Это двухгодичная магистратура, в рамках которой первый семестр проходит в России, в МГИМО, потом два семестра — в Монтерее (Калифорния). Некоторые его называют Монтерей, потому что это красивейшее место на берегу Тихого океана. А четвертый

Сев на площадку МГИМО, мы присоединимся к программе «Приоритет 2030», войдем в создаваемый на его базе консорциум

семестр вообще самый интересный, это стажировки по всему миру: в МИД России, «Росатоме», ООН в Нью-Йорке, Институте по проблемам разоружения в Женеве. Кто-то из американцев в попадает в Министерство энергетики, Госдеп... Мы готовим практиков, которые работают в практических организациях — министерствах и экспертных институтах России, Китая, Мексики, Ирландии, Великобритания, США, других стран. Продолжаем работать командно, сообщая — и россияне, и европейцы, и американцы — во имя одной простой цели: не допустить ядерной войны в мире,

грамотно распорядиться нашими знаниями о ядерном оружии, предвосхищая его распространение. Думаем и о том, как развивать атомную энергетику. Несмотря на обострение международной обстановки, Миддлберийский институт по инициативе консультации с ПИР-Центром и МГИМО принял решение программу продолжить. Не скрою, готовимся к определенным логистическим трудностям с приездом к нам в Москву иностранцев из западной части мира. Верю, что мы справимся, как справились во время пандемии. Да и сейчас, несмотря на чудовищные визовые проблемы, наши студенты-россияне учатся в Калифорнии. Потери у нас есть. Но она — иного рода. Эта потеря — человеческая. Все эти годы председателем нашей государственной экзаменационной комиссии был член совета ПИР-Центра, бывший директор СВР генерал армии, Герой России выпускник МГИМО Вячеслав Иванович Трубинов. Вячеслав Иванович думал чужо, требовательно и с огромным энтузиазмом изучал магистерские диссертации студентов. Что называется, с карандашом.

И в ходе защиты, не стремясь никого завалить, напротив, выявил самые сильные работы, самых перспективных выпускников. «Колтин Магдаузли... вы блестяще справились с исследованием. Предлагаю оценить в 100 баллов»... Размеренный полус Вячеслава Ивановича вдохновлял студентов, убеждал других членов комиссии, хотя, конечно, 100 баллов в нашей магистратуре — это редкость. И генерал Трубинов, и генерал Бужинский, и полковник Лысенко — все они планку ставили высоко, что мне, как основателю программы, очень импонировало. Смерть генерала Трубинова — человека блестящего ума, эрудиции, глубокого понимания проблем ядерного нераспространения, который был, как мы говорим, «качественным приемщиком» на ГЭКе, — вот потеря поистине тяжелая. Потому что невозможная...

М.: Вопрос авторитетному аналитику: насколько обострилась угроза ядерной войны в современных напряженных условиях? К сожалению, вопрос закономерный, он на устах у многих. Риск ядерной войны сегодня обострился, на европейском континенте крайне неспокойно, очень высокий шторм, но я должен сказать, что за последние годы и десятилетия выработались очень серьезные практики ответственного отношения к ядерному оружию. И даже там, где между Россией и США нет диалога по другим проблемам, диалог по вопросу ядерных угроз продолжается. Мы знаем, что американский министр обороны время от времени делает звонки российскому коллеге Сергею Шойгу. Говорят друг с другом и начальники Генеральных штабов — думаю, обсуждают и этот вопрос.

Конечно, риски возрастают, но, повторю, пока этот вопрос находится под ответственным контролем, поскольку от ядерного оружия зависит не просто судьба мира, но выживание человечества. Эта проблема все же вычленивается как отдельная, требующая максимальной аккуратности и от военных, и от дипломатов, и от политиков. А также от журналистов, которые иногда некорректно, сенсационно комментируют события. Так, их внимание сосредоточено в основном на европейском континенте, однако риски применения ядерного оружия или его распространения вообще — выше в трехдвух регионах — в Южной Азии, на северо-востоке

Выработались очень серьезные практики ответственного отношения к ядерному оружию. И диалог между Россией и США по вопросу ядерных угроз продолжается

В. Орлов обсуждает ядерные проблемы с основателем G.N.T. Теронов

Азии и на Ближнем Востоке. Вот там точки напряжения, честно говоря, серьезные. Чтобы разобраться, мы преподаем нашим студентам и региональные аспекты ядерного нераспространения.

М.: Какой дадите прогноз? Если мы говорим о вопросах применения ядерного оружия, то применение его в специальной военной операции нецелесообразно, не нужно и не рассматривается. Ограниченное использование ядерного оружия невозможно, это в конце концов приведет к тотальной войне и к тотальному уничтожению. Другое дело — риски, которые я вижу. Если Соединенным Штатам, нашему верителю противнику, откажет здравый смысл, тогда нам придется осуществлять ответно-встречный удар. Но я надеюсь, что сумасшедших и самоубийц сегодня в Вашингтоне нет.

Второй риск — очень серьезный: случайность. Речь не о том, что какой-то военный по ошибке на что-то нажмет, такого не будет. Но вот неправильная интерпретация информации (ведь мы находимся в состоянии информационной войны с США) возможна. Так что говорить «вероятность нулевая» я не могу, это было бы безответственно. Тем не менее, резюмируя, скажу, что вероятность применения ядерного оружия минимальна. Острые военные фазы конфликтов рано или поздно заканчиваются, дипломатия и контроль над вооруже-

ниями будут продолжаться. Просто возникнут другие форматы и совершенно другая архитектура договоров — один отпадут, новые будут формироваться. Это может занять продолжительное время, и нам предстоит вообще-то потрясающее интересное, хотя эмоционально и не всегда простое осмысление перспектив, контуров новой архитектуры контроля над вооружениями. Чем сегодня и занимаемся.

М.: Программа «Приоритет 2030» довольно обширна. Поскольку ПИР-Центр собирается в рамках МГИМО принимать в ней участие, хотелось бы узнать, какую новизну вы собираетесь привнести в ее реализацию. Какие планы?

Не просто планы — мы уже начали их осуществлять. Для меня замысел нашего партнерства заключается пре-

жде всего в тесном взаимодействии образования и науки. Перейду от образовательной составляющей к научно-исследовательской. ПИР-Центр, как я уже сказал, работает над осмыслением перспектив ядерного нераспространения, диалога между Россией и США в этой области, и рисков, которые могут возникнуть. Соответственно наработки изложены и в наших докладах, и в записках, которые мы готовим. А также в монографии, которую ПИР-Центр подготовил в рамках сотрудничества с МГИМО и которая этим летом выйдет из печати на английском языке в издательстве Palgrave Macmillan

магистратуры и за этот короткий отрезок времени добились впечатляющего прогресса. Работать над монографией с ним было одним удовольствием, хотя, что скрывать, ему пришлось немало повоевать. Опять же плану ставим высоко. Наконец, у нас на подходе 21-я Международная школа ПИР-Центра по глобальной безопасности. Она будет проведена в подмосковном Звенигороде, рид ее направлений реализуется в рамках нашего консорциума с МГИМО. Кстати, будучи передовым вузом по многим направлениям, МГИМО, как выяснилось, проводит не так уж много

тренинговых программ для целевых аудиторий, причем необязательно студенческих: это могут быть и молодые дипломаты, и аспиранты, и военные, и представители спецслужб. А по вопросам безопасности таких вообще не было. Поэтому мы объединим наши усилия. Да, здесь снова будет подрод. В чем отличительная особенность школ ПИР-Центра, снискавшая известность во всем мире? На 25 слушателей столько же, если не больше, преподавателей. Но преподаватели не столько лекторы, сколько участники диалога со слушателями. Слушатели школы — из числа наиболее ярких молодых российских

— 2014 год. Делегация ПИР-Центра на встрече по контролю над вооружениями в Глоуэ (Швейцария). В центре — генерал армии В. И. Лукоцкий

мирового конфернцера Шпрингера. Большая часть авторов — недавние выпускники нашей программы двойного диплома, а также сотрудники ПИР-Центра, такая вот синергия перспективной молодежи и поколения, умудренного опытом. Предисловия к монографии написали наш ректор академик РАН А. В. Тюркунов и профессор Миддлберийского института международных исследований, иностранный член РАН Уильям Поттер. Мой коллега-соредактор Сергей Семенов еще год назад был студентом нашей

ПИР-Центр продолжает работать над осмыслением перспектив ядерного нераспространения, рисков, которые могут возникнуть

специалистов из МГИМО и других российских вузов. Хотя занятия проводятся по-русски (это наш принцип: гордимся тем, что русский язык — язык международного общения, язык ООН, важный язык для проблем глобальной безопасности), в наших школах традиционно принимают участие молодые специалисты из-за рубежа: от США до Сирии, от Финляндии до Казахстана, от Северной Македонии до ДНР... Каждый год география меняется, но неизменно вот что: слушателям-россиянам придется самим на себе отрабатывать

— 2022 год. На берегу Андреевского моря

концепции и идеи и самим себя убеждать в их правильности. Стерильной обстановки не будет! Правильно ПИР-Центра — развивать в наших слушателях критическое мышление. Лекторы — топовые. Даже те, кто не смог до нас в этом году добраться, шлют видеобращения, мини-лекции. Например, генеральный директор МАГАТЭ Рафаэль Гросси, с которым мы только что обсудили параметры нашей школы во время встречи в штаб-квартире МАГАТЭ в Вене. При этом до того ворвался с ним, что скоро он выступит уже в традиционном формате — на совместной площадке МГИМО и ПИР-Центра в Москве... Постоянные дискуссии, семинары, форсайты, ситуационные анализы — «школьников» ждет работа до седьмого пота, те, кто уже принимал участие в этой программе, знают: сачковать у нас просто невозможно. Эта школа давно уже бренд, что признают и наши конкуренты. Если вы спросите про нее, скажем, в Вышке, вам точно скажут: это очень серьезный продукт.

М: Развитие МГИМО идет сегодня под знаком цифры, «Приоритет 2030» предполагает форсированную цифровизацию университета. Как с этим обстоят дело у ПИР-Центра? Нас в ПИР-Центре это, безусловно, затрагивает. Считаем цифровизацию очень важным подспорьем и в образовательной, и в научной, и в экспертной

Цифровизация — важное подспорье и в образовательной, и в научной, и в экспертной сферах. Но мы никогда не противопоставляли ее живому человеческому общению

сферах. И мы никогда не противопоставляли ее живому человеческому общению. Надо сказать, что ПИР-Центр был когда-то интернет-первопроходцем, наш первый сайт, созданный выпускником МГИМО, моим товарищем заместителем, а ныне президентом компании Superjob Алексеем Захаровым, был в числе первых 200 сайтов России. То есть ПИР-Центр всегда находился в этих вопросах на переднем крае. И теперь, когда мы говорим о совместной работе с МГИМО в рамках «Приоритета 2030», одна из задач, которая вот прямо сейчас у меня на столе, заключается в цифровизации наших учебных программ, переходе на те модели, которые предлагает МГИМО, а также в привлечении дополнительных преподавательских

и экспертных сил, которые помогут сделать этот цифровой материал и педагогически откалиброванным, и уникальным с точки зрения содержания. Наконец, это цифровка наших архивов. И здесь не могу не вспомнить еще одного выпускника, окончившего МГИМО еще в 1940-х, — Роланд Михайлович Тиммербаев, поста, который создавал архитектуру контроля над вооружениями и был одним из авторов Договора о нераспространении ядерного оружия. Он недавно ушел из жизни, и в этом году мы будем отмечать 95-летию со дня его рождения, выпустим сборник его трудов... Роланд Михайлович оставил ПИР-Центру свои обширные научные архивы. Они просто не имеют права пылиться на полках. Оцифруем, сделаем доступными для пытливых студентов. В работе у нас и цифровое издание учебника «Ядерное нераспространение». Мы очень дико монополизировали в издании качественных продуктов по этой чувствительной тематике на русском языке, но если этот учебник выйдет на английском (а вот для этого еще надо приложить усилия), то ничего подобного в мире не будет! Выпустим в цифре топовый качественный продукт — задача амбициозная, и мы видим возможность ее реализации именно через совместную работу в рамках «Приоритета 2030».